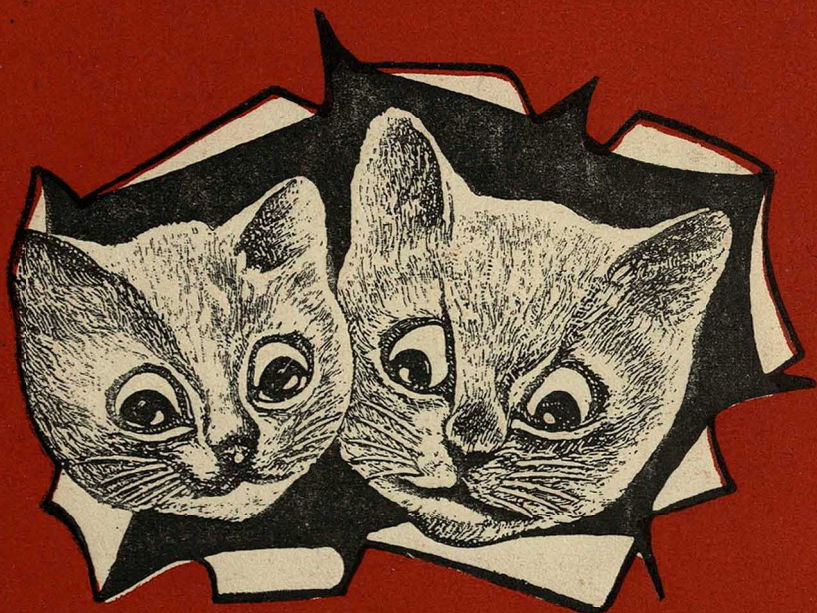

Годъ изданія шестой.

ЮЛЬ.

№ 18.

1913.

ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

СОДЕРЖАНІЕ:

ЗАПИСКИ МАРТЫШКИ.
ВЪ ЛѢТНИ ЗНОЙ (стих.).
ПОХОЖДЕНІЯ МАЛЕНЬКОЙ
ИРЕНЫ (повѣсть).
ИСТОРИИ О СОБАКАХЪ.
ВЪ ЮЛѢ (стих.).
ГОЛОВОЛОМКИ.
РЕБУСЪ и проч.

ПРИЛОЖЕНІЯ:

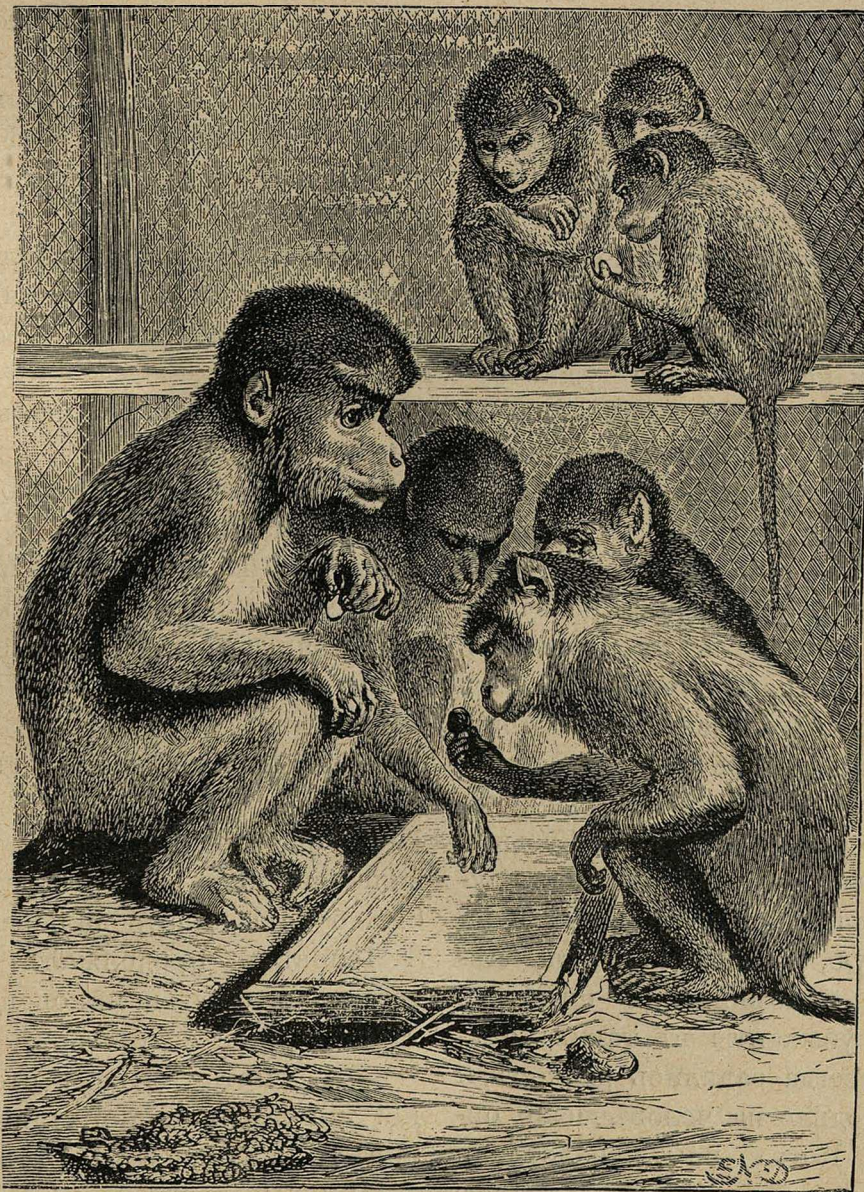
№ 18. Июль, 1913.

Годъ изданія VI-й.

Два раза въ мѣсяцъ.

Золотое Дѣтство.

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

Въ звѣринцѣ насъ посадили въ тѣсную кѣтку.

ЗАПИСКИ МАРТЫШКИ.

Я родилась въ Африкѣ, на Гвинейскомъ берегу, въ роскошномъ тропическомъ лѣсу. Мы жили громаднымъ обществомъ въ вѣтвяхъ деревьевъ, прыгали съ вѣтки на вѣтку, гонялись за попугаями, которые гнѣздились тутъ-же, и только иногда спускались на землю, чтобы покувыркаться на травѣ. Тогда попугаи слетали пониже и, уцѣпившись за нижнія вѣтки, глядѣли, какъ мы дурачились, и пересмѣивали насъ. Вообще нужно замѣтить, что тамъ, гдѣ живутъ обыкновенно попугаи, — водимся и мы, а гдѣ живемъ мы, обезьяны, тамъ всегда водятся и попугаи. Часто матери брали насъ за руки и вели къ протекавшей не вдалекѣ рѣкѣ. Тамъ онѣ усаживались рядкомъ и начинали намъ мыть мордочки и головы, точь-въ-точь, какъ это дѣлаютъ люди, когда купаютъ своихъ дѣтей. Иногда, когда намъ хотѣлось послушать музыку, нѣкоторыя изъ насъ брали въ руки сухія палки и, ударяя ими одна о другую, издавали звукъ, нѣсколько напоминавшій цимбалы. Наши музыканты въ такихъ случаяхъ всегда садились рядкомъ, и это походило на человѣческій оркестръ. Когда намъ надоѣдали апельсины и бананы, то мы толпою дѣлали набѣги на кукурузныя поля, которыя невдалекѣ отъ насъ

разводили негры. При этомъ мы не столько ѣли сами, сколько ломали и бросали. Какое-то удовольствіе доставляло намъ это озорство. Часто, замѣтивъ насъ, негры бросались за нами съ кольями и даже стрѣляли намъ вслѣдъ, но мы почти всегда успѣвали отъ нихъ убѣжать.

— Подождите-же! крикнулъ намъ однажды человекъ во время одной изъ такихъ нашихъ экскурсій. — Я вамъ отплачу!

И онъ погрозилъ намъ кулакомъ.

Мы не обратили на это никакого вниманія.

Въ тотъ-же вечеръ онъ принесъ къ намъ въ лѣсъ большую сѣть, прикрѣпилъ ее крѣпко къ землѣ и сталъ въ ней валяться и кувыркаться.

— Зачѣмъ это онъ дѣлаетъ? спросила я сосѣдку.

— Подожди, не мѣшай! остановила она меня. — Посмотримъ, что онъ будетъ дѣлать дальше!

Человекъ продолжалъ кувыркаться въ сѣти и наконецъ запутался въ ней совсѣмъ.

— Посмотрите, какъ это забавно! крикнули мы попугаямъ. — Человекъ запутался въ сѣти!

Попугаи тоже сидѣли толпами на деревьяхъ и смотрѣли на человека.

Онъ сталъ распутываться, распутался и затѣмъ, оставивъ сѣть, ушелъ къ себѣ домой.

— Братцы, давайте запутывать-ся въ сѣти и мы! крикнули мы.

И штукъ двадцать или тридцать изъ насъ спрыгнули съ дерева и бросились къ сѣти. Ахъ, зачѣмъ, зачѣмъ тогда никто не остановилъ насъ? Мы стали подражать чело-вѣку, стали прыгать по сѣти, запутываться въ нее и кувыркаться въ ней еще лучше и добросовѣстнѣе, чѣмъ чело-вѣкъ. Но онъ сумѣлъ распутаться и уйти къ себѣ домой, мы-же, по своей глупости, запутались такъ, что остались въ сѣти уже совсѣмъ.

— Ага, милыя, попались! вдругъ раздался около насъ голосъ чело-вѣка.—Теперь посмѣюсь надъ вами и я!

Онъ сталъ вынимать насъ изъ сѣти и класть въ заранѣе пригото-вленные для насъ мѣшки. Когда дошла очередь до меня, то я рва-нулась изъ всѣхъ силъ, но сѣть оказалась прочной и не подалась. Чело-вѣкъ схватилъ меня за ши-воротъ и грубо сунулъ меня въ темный мѣшокъ. На меня навали-лась другая мартышка, за ней— третья, и когда мѣшокъ былъ полонъ и завязанъ, то всѣ мы по-няли, что лишились свободы на-всегда, и что мы никогда уже больше не увидимъ нашего милаго родного лѣса, берега океана и по-пугаевъ.

Затѣмъ насъ помѣстили въ тѣ-сную клѣтку и перевезли на па-роходъ. Мы боялись и дрожали. Многія изъ насъ плакали. Вмѣстѣ съ нами поймалась и одна взро-слая мартышка съ младенцемъ, ко-торого она прижимала къ груди и кормила молокомъ, какъ чело-вѣкъ. Мордочка у нея была испуганная, глаза озабочены, а ея ребеночъ не понималъ ничего и крѣпко спалъ у нея на рукахъ.

Затѣмъ мы закачались по вол-намъ. О, это было отвратительное путешествіе. Въ тѣсной клѣткѣ, съ головной болью отъ морской кач-ки и ничего не ожидая впереди, мы оплакивали свою судьбу и ужасались при мысли, что больше никогда уже не вернемся на ро-дину. Многія изъ насъ умерли по дорогѣ и были выброшены въ океанъ.

Послѣ долгаго, утомительнаго пути насъ привезли въ Европу. Опять громко гудѣлъ пароходъ, приставая къ берегу, и звенѣли цѣпи, что насъ очень пугало. Ко-гда-же нашу клѣтку вынесли на пристань, то пришли какіе-то обор-ваные люди, которые стали насъ покупать по-одиночкѣ.

— Неужели насъ разлучать? съ безпокойствомъ спрашивали мы другъ дружку, боясь даже и подум-ать о томъ, что каждой изъ насъ предстояла одинокая, унылая жизнь.

Меня купилъ какой-то италья-

нець, который надѣлъ мнѣ на шею крѣпкій, жесткій ремень, привязалъ меня къ нему, какъ невольника, на цѣпь, одѣлъ меня въ юбочку и въ какой-то дурацкій колпачокъ съ перомъ и сталъ меня, Божье созданіе, привыкшее къ солнцу и къ свободѣ, таскать изъ города въ городъ, изъ деревни въ деревню за эту цѣпь и заставлялъ меня танцовать. О, что это была за ужасная жизнь! Я голодала, изнемогала отъ усталости и жажды, у меня всегда болѣла шея отъ постоянныхъ дерганій за цѣпь, я спала въ своемъ костюмѣ и съ этой тяжелой цѣпью на шеѣ—и все это только за то, что имѣла неосторожность покувыркаться въ сѣти!

„Боже мой, думала я,— когда же придетъ мнѣ конецъ? Почему я не умерла, когда насъ везли черезъ океанъ?“

Цѣлые два года мы переходили съ мѣста на мѣсто и наконецъ мой хозяинъ продалъ меня въ какой-то захудалый звѣринецъ. Какимъ раемъ показалась для меня жизнь въ звѣринцѣ! Теперь ужъ на мнѣ не было ошейника, тяжелая цѣпь уже не тащила меня за голову и грязная, красная юбка уже не болталась у меня около ногъ. Я сидѣла въ тѣсной клѣткѣ, вмѣстѣ съ другими такими-же несчастными обезьянками, какою была и я, теперь я была не одна, но вскорѣ и эта жизнь въ звѣ-

ринцѣ оказалась невыносимой. Около меня рычали львы и тигры, которыхъ я очень боялась, съ утра и до вечера играла музыка и били барабаны, отъ которыхъ у меня болѣла голова, и я не могла уснуть,—и эта постоянная толкотня публики, которая просовывала къ намъ въ клѣтку палки, чтобы заставить насъ шевелиться и дѣлать прыжки, сводила меня съ ума. У итальянца я хоть ночью имѣла покой и могла хотя немного забыться сномъ и помечтать о своей родинѣ и о тропическихъ лѣсахъ. Здѣсь-же до полуночи гремѣла музыка, и публика просовывала къ намъ въ клѣтку палки, а едва только тушили въ звѣринцѣ огни, и публика расходилась по домамъ, какъ появлялись во множествѣ крысы, которыя бѣгали по всему полу, подбирали остатки ѣды и даже безбоязненно забѣгали въ клѣтки къ тиграмъ и львамъ и кусали за ноги слона. Я взибалась отъ нихъ наверхъ, но онѣ были наглы, и одна изъ нихъ даже укусила меня за хвостъ.

— Когда-же все это кончится? говорила мнѣ одна чахоточная обезьяна, которая тяжело капляла и то и дѣло хваталась за грудь.—Вѣдь нашей неволи желаютъ люди, они даже платятъ деньги за то, чтобы смотрѣть на наши страданія!

И для меня было странно, что люди, которыхъ мы считали выше

и умнѣ себя и даже умнѣ слона,—могли быть такъ жестоки, чтобы радоваться нашему несчастью.

Нашъ звѣринецъ переѣзжалъ съ мѣста на мѣсто, и наконецъ мы прибыли въ Россію.

Когда послѣ утомительной ѣзды по желѣзной дорогѣ въ темномъ товарномъ вагонѣ нашу клѣтку вынесли наконецъ на воздухъ, то было холодно, вся земля была покрыта какимъ-то бѣлымъ пухомъ, который люди называли снѣгомъ, и я увидала диковинныя деревья, росшія вовсе безъ листьевъ. Небо было сѣрое и непривѣтливое, и мнѣ почему-то вдругъ ужасно захотѣлось плакать. Было холодно, и я дрожала. Чахоточная обезьяна съезжилась въ комокъ и боязливо оглядывалась большими, грустными глазами. Слышался изъ вагона ревъ звѣрей.

— Если я умру, вдругъ сказала больная обезьяна,—то поклонись отъ меня солнцу!

Мнѣ было и самой тяжело, и я ничего ей не отвѣтила.

Затѣмъ насъ черезъ весь городъ повезли въ звѣринецъ. Было странно смотрѣть на извозчиковъ, ѣздившихъ по ватѣ на полозьяхъ, и слышать звонъ большихъ колоколовъ. А потомъ началось то же, что было и раньше: заиграла музыка, стала ходить праздная публика и просовывать къ намъ въ клѣтку палки и по ночамъ, какъ и вездѣ, забѣгали крысы. И все

время я сидѣла въ уголку, обнявшись съ больной сосѣдкой и стараясь ее согрѣть, но въ звѣринцѣ было холодно, и обѣ мы дрожали и никакъ не могли согрѣться. Иногда, несмотря ни на что, мы забывались сномъ, и тогда намъ снились нашъ милый Гвинейскій берегъ, высокія пальмы и голубое, прозрачное небо.

— Гдѣ мы? часто спрашивала меня въ полу-бреду больная обезьяна.

— Не знаю, отвѣчала я ей.

И обѣ мы начинали плакать и стонать.

— Намъ холодно, холодно! бормоталимы.—Мы хотимъ къ себѣ домой, гдѣ тепло и свѣтитъ солнце!

Но никто не обращалъ на насъ вниманія, и мы продолжали нашу грустную, томительную жизнь.

Какъ вдругъ въ одинъ изъ дней къ нашей клѣткѣ подошелъ какой-то морякъ съ мальчикомъ лѣтъ восьми.

— Папа, сказалъ мальчикъ,—посмотри, какъ обнялись обезьянки!

И вдругъ онъ поднялъ свою голову къ глазамъ отца и схватилъ его за руку.

— Папочка, купи мнѣ обезьянку! сказалъ онъ такимъ тономъ, что трудно было-бы отказать.—Вѣдь, сегодня день моего рожденія!

Морякъ отвѣтилъ не сразу. Очевидно, онъ что-то соображалъ. Оба они были такъ ласковы другъ съ

другомъ, что, вѣроятно, были добры и къ звѣрямъ. Сердце у меня забилось. Что, если-бы ихъ выборъ остановился на мнѣ, и они купили-бы меня? И не одну меня, а съ моей бѣдной чахоточной подругой!

Затѣмъ морякъ куда-то ушелъ и возвратился обратно съ содержателемъ звѣринца.

— Вотъ эту, вотъ эту! указаль онъ содержателю на меня.

Я обрадовалась, выпустила изъ объятий больную и подбѣжала къ рѣшеткѣ. Морякъ отсчиталъ деньги, содержатель сунулъ ихъ къ себѣ въ карманъ, отворилъ въ клѣткѣ дверцу, схватилъ меня за шиворотъ и вытащилъ наружу. Мальчикъ запрыгалъ отъ радости, протянулъ ко мнѣ руки, я бросилась къ нему на грудь и обняла его за шею. Онъ запахнулъ меня въ пальто, и мы направились къ выходу.

— И меня! И меня! слышался сзади меня голосъ больной обезьянки, и она закашлялась и не могла больше продолжать.

Но никто, кромѣ меня, не понималъ ея языка, я обернулась, простилась съ ней, она поглядѣла на меня скорбными, умоляющими глазами, и мы разстались.

Для меня началась новая жизнь. Меня принесли въ квартиру съ приличной обстановкой и помѣстили въ дѣтской въ уголку, около печи. Вся семья состояла всего только изъ трехъ лицъ: отца,

матери и мальчика Коли, который сталъ теперь моимъ хозяиномъ. Родители горячо любили своего Колю. Онъ въ свою очередь полюбилъ меня и для меня настало житье, о которомъ я даже и не смѣла мечтать. Меня кормили сытно и хорошо; когда я укладывалась спать, то меня укрывали теплымъ одѣяломъ, и мнѣ такъ было уютно въ моемъ тепломъ уголкѣ! Иногда, среди ночи, я просыпалась и подлѣзала подъ одѣяльце къ Колѣ. Онъ обнималъ меня во снѣ, и мы такъ и лежали, обнявшись, до утра. Я была живой игрушкой для Коли, мы оба дѣлали глупости, и часто переворачивали въ дѣтской все вверхъ дномъ. Раза два или три меня наказывали: одинъ разъ я выпила чернила изъ чернильцы и, когда со мною сдѣлалась рвота, то я украсила черными пятнами ковра; въ другой разъ я повисла въ столовой на лампѣ надъ столомъ и стала качаться на ней, точно на качеляхъ; крюкъ въ потолокъ не выдержалъ, лампа сорвалась и разбилась въ мелкіе кусочки, а я отдѣлалась ушибами; въ третій разъ — я съѣла всѣ дорогія сигары у отца Коли, и онъ меня больно за это наказалъ. Но я очухивалась, какъ ни въ чемъ не бывало, и снова принималась съ Колей за шалости. Мы любили другъ друга и ни одной минуты не могли провести врозь.

А потомъ случилось страшное для меня открытіе: я заболѣла чѣмъ-то тяжелымъ. По прежнему стояла зима, солнце не показывалось, было пасмурно и сѣро, и я стала кашлять такъ, что цѣлыя ночи не могла заснуть. Кашель разбивалъ мнѣ грудь. Коля встрѣвоженными глазами смотрѣлъ на меня, гладилъ меня по исхудавшему тѣлу и, я не разъ замѣчала, что на глазахъ у него появлялись слезы.

— Надо обратиться къ доктору! сказалъ отецъ.

Пріѣхалъ докторъ, осмотрѣлъ меня, но я не знаю, что онъ во мнѣ нашель. Я слышала только, какъ онъ сказалъ въ сосѣдней комнатѣ отцу моего Коли:—

— Я совѣтоваль-бы вамъ держать эту обезьяну подальше отъ вашего сына. Отъ нея можетъ болѣзнь перейти и на него.

И меня разлучили съ моимъ любимцемъ. Меня помѣстили въ чуланчикъ, подъ лѣстницей, въ темнотѣ, я лежала въ углу, съежившись въ комочекъ, кашляла и дрожала всѣмъ тѣломъ отъ озноба. Иногда тайкомъ ко мнѣ прибѣгалъ Коля и, ставъ передо мной на корточкахъ, подолгу молча смотрѣлъ на меня печальными глазами. А солнце все не появлялось, на дворѣ злилась метель, и въ моемъ чуланчикѣ было еще сумрачнѣе и холоднѣе, чѣмъ прежде. Поздно разсвѣтало, рано станови-

лось темно, и ночи тянулись такъ медленно и долго, что я часто плакала и просилась къ себѣ на Гвинейскій берегъ.

И вдругъ ко мнѣ прибѣжалъ Коля и съ радостнымъ видомъ сообщилъ неожиданную новость.

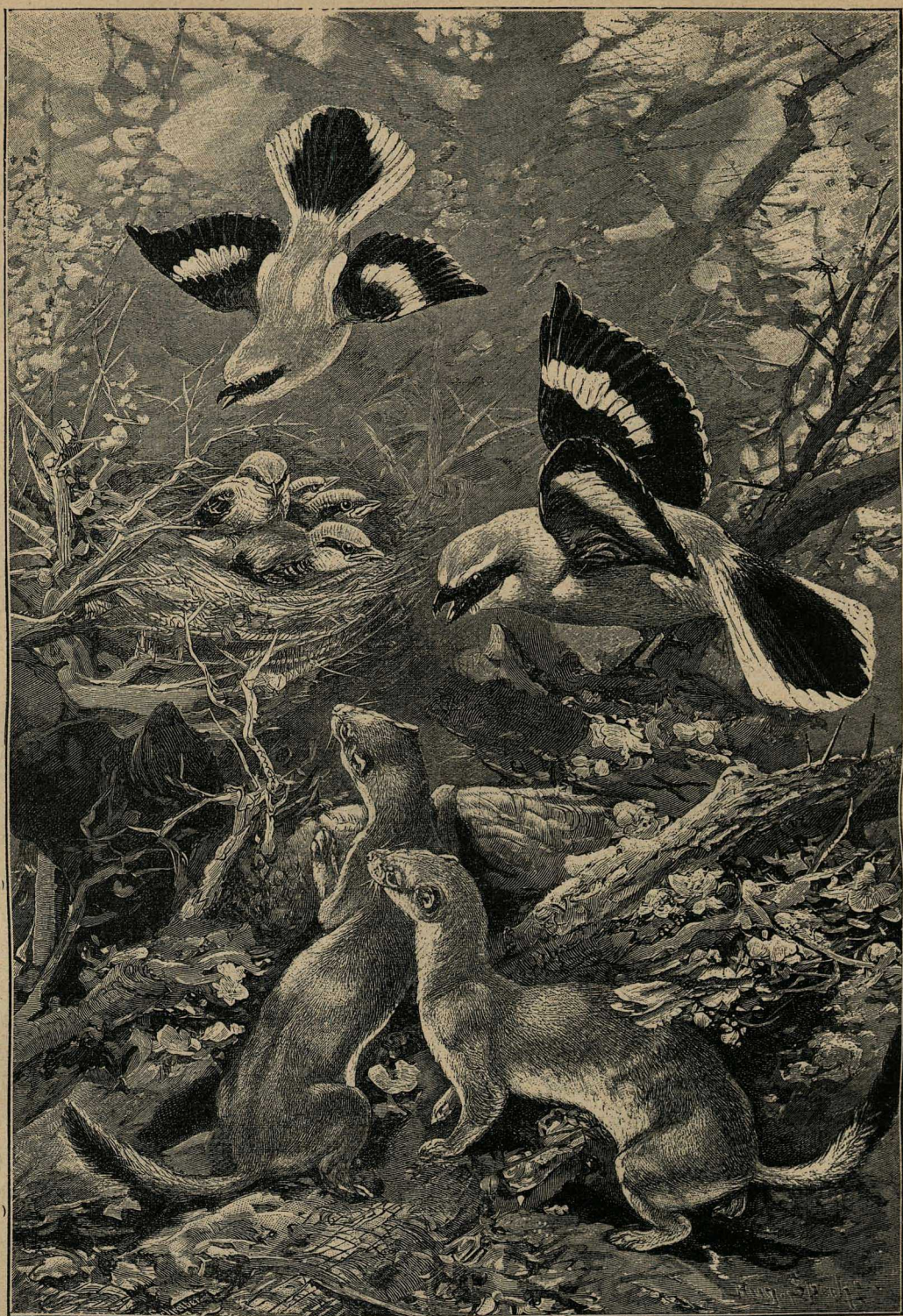
— Знаешь, Кирька (онъ звалъ меня „Кири“), сказалъ онъ.—Папу перевели во Владивостокъ, и всѣ мы уѣзжаемъ туда черезъ двѣ недѣли! Мы уже распродаютъ всю нашу мебель! Папу перевели туда на два года, а можетъ быть мы останемся тамъ и совсѣмъ!

Эта новость меня испугала. Неужели-же я останусь здѣсь одна и навсегда разстанусь съ Колей, котораго любила и появленія котораго ожидала каждую минуту? Я была больна, и не нужна была никому, и меня ужасала самая мысль, что они уѣдутъ на Дальній Востокъ одни.

Я слышала изъ своего чулана, какъ уносили мебель, какъ хлопала входная дверь, и пожималась отъ стужи и холоднаго воздуха, врывавшагося въ квартиру. А затѣмъ ко мнѣ вошелъ вдругъ мой Коля, одѣтый уже въ дорогу, и протянулъ ко мнѣ руки.

— Пожалуйте, Кири! сказалъ онъ.—Вы тоже поѣдете съ нами! Мы выпустимъ васъ на волю въ теплыхъ странахъ!

Сердце во мнѣ затрепетало отъ радости. Я хотѣла было, какъ прежде, обнять его за шею и при-

Иволги и горностаи.

У студёнаго ключа.

жаться къ нему, но въ это время вошла прислуга и открыла передо мной корзину.

— Садись сюда! сказала она.

Я сѣла въ корзинку, и меня повезли. Мы ѣхали цѣлые тридцать или сорокъ дней. Я проѣхала почти всю Россію съ сѣвера на югъ; въ Одессѣ мы пересѣли на пароходъ и закачались по волнамъ. Но теперь я плыла совсѣмъ при другихъ обстоятельствахъ, чѣмъ въ первый разъ. Теперь я свободно бѣгала по палубѣ, взбиралась иногда по снастямъ высоко на мачту и глядѣла оттуда на необозримое пространство неба и моря. И чѣмъ дальше плылъ пароходъ, тѣмъ становилось все теплѣе и теплѣе, и наконецъ мы вѣхали въ область вѣчнаго, непрерывающагося лѣта. Я почувствовала вдругъ на себѣ ласковость нашего родного южнаго солнца, и силы стали возвращаться ко мнѣ не по днямъ, а по часамъ. Скоро кашель прекратился у меня совсѣмъ. Я почувствовала себя веселой и бодрой, мнѣ снова захотѣлось проказить и шалить, и мы бѣгали теперь съ Колей взапуски по всему пароходу и своими выходками смѣшили всѣхъ пассажировъ. Ахъ, какъ мнѣ хотѣлось тогда броситься къ этому мальчику на шею и сказать ему, что я обязана ему всѣмъ! Но онъ все равно не понялъ бы меня и подумалъ-бы, что этимъ я прошу его дать мнѣ лишній разъ поѣсть.

Затѣмъ мы пересѣкли экваторъ и первой нашей остановкой на Индійскомъ океанѣ былъ островъ Цейлонъ. Не могу выразить, съ какимъ наслажденіемъ я увидела опять пальмы, тропическіе лѣса, попугаевъ, слоновъ и такихъ-же мартышекъ, какъ и я сама. Какъ давно я ихъ не видала! Сколько было пережито за эти годы за одно только удовольствіе покувыркаться въ сѣти!

Пароходъ остановился въ Коломбо на Цейлонѣ на два дня. Коля взялъ меня на руки и сказалъ:—Пожалуйте!

Мы вышли на берегъ. Папа, мама, Коля и всѣ другіе пассажиры были въ легкихъ шелковыхъ костюмахъ; въ воздухѣ было жарко и пахло какими то диковинными цвѣтами. Голые, темные индусы проходили мимо насъ и проѣзжали на коровахъ. Они напоминали мнѣ негровъ моей родины; я была внѣ себя отъ восторга. Потомъ мы сѣли въ поѣздъ желѣзной дороги и помчались вглубь острова, въ Кенди. Могу ли я описать всю красоту тропическихъ лѣсовъ и озеръ, мимо которыхъ проѣзжалъ поѣздъ? Летали попугаи, прыгали въ вѣтвяхъ обезьяны,—и все это казалось мнѣ сладкимъ сномъ, отъ котораго нехотѣлось пробуждаться.

Но вотъ и Кенди. Мы выходимъ изъ поѣзда и направляемся къ дальнему лѣсу.

— Какъ хорошо! восклицаютъ

папа и мама Коли.— Какой здѣсь рай!

Мы входимъ въ вѣковой тропическій лѣсъ. Спускаются лианы цвѣтутъ магноліи, и высокія пальмы шелестятъ своими верхушками. Развѣсистые, широколистные бананы группами стоятъ у воды. Кричатъ попугаи и мартышки подозрительно смотрятъ на насъ съ вѣтвей. Коля спускаетъ меня съ цѣпочки, ставитъ меня на землю и говоритъ:—

— Ну, Кирька, прощай! Будь здорова и больше не хворай! Черезъ два года мы, будемъ возвращаться въ Россію и опять будемъ здѣсь! Не поминай насъ лихомъ!

Я оглядѣлась по сторонамъ. Счастье свободы овладѣло вдругъ всѣмъ моимъ существомъ, я вскрикнула, прижалась къ травѣ, а затѣмъ вскочила на ноги и, позабывъ даже проститься и оглянуться назадъ, бросилась къ деревьямъ, на которыхъ сидѣли обезьяны и какаду, и исчезла въ ихъ листьѣ. А когда я пришла въ себя и поглядѣла наконецъ на Колю и его отца и мать, то они уже возвращались обратно въ Кенди, и ихъ бѣлыя спины ослѣпительно-ярко блистали на солнцѣ.

Я опять свободна. Я опять въ своемъ родномъ климатѣ, хотя и не у себя на родинѣ, вокругъ меня такія-же мартышки, какъ и я сама, и я снова въ ихъ семьѣ, здорова

и счастлива, какъ ребенокъ. Какъ мнѣ благодарить своихъ господъ?

Часы счастья мелькаютъ, какъ минуты, минуты горя тянутся, какъ годы.

Веселая и счастливая, я и не замѣтила, какъ промелькнули два года.

Однажды я пробиралась со своими товарками по вѣтвямъ деревьевъ и швырялась сухими сучьями въ надоѣдавшихъ намъ попугаевъ. И вдругъ я увидала въ тѣни на травѣ какихъ-то трехъ человѣкъ: господина, даму и мальчика лѣтъ десяти. Они спали. Я приглядѣлась къ нимъ и сердце мое наполнилось радостью. Я узнала ихъ. Это были они, мои дорогіе господа, которые теперь, вѣроятно, возвращались изъ Владивостока въ Россію и вотъ зашли сюда по пути изъ Коломбо въ Кенди и прилегли отдохнуть. Но какъ выросъ онъ, мой милый, ненаглядный Коля! Какъ онъ возмужалъ!

Я сдѣлала знакъ своимъ товаркамъ.

— Тише! сказала я имъ.— Не будите ихъ! Пусть себѣ отдохнуть!

А затѣмъ всѣ мы, сколько насъ было, отправились въ лѣсъ и на поля, нарвали самыхъ лучшихъ банановъ, кокосовыхъ орѣховъ, ананасовъ и цвѣтовъ и тихонько обложили ими моихъ господъ. Окончивъ наше дѣло, мы удалились въ глубину лѣса, но я нарочно отстала и возвратилась назадъ. Я была

одна и сидѣла на вѣткѣ, такъ что меня не могъ видѣть никто. Я видѣла, какъ пробудились мои господа, какъ они удивились фруктамъ и цвѣтамъ, какъ потомъ захивали ихъ сумки и въ карманы и какъ Коля съ жадностью сталъ ѣсть сочный ананасъ. Съѣвъ его почти весь, онъ отеръ губы и руки платкомъ и, довольный, потянулся и сказалъ:—

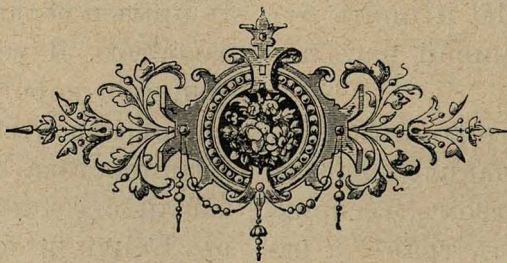
— Гдѣ то здѣсь наша Кирюшка! Жива-ли она?

— Да, отвѣтилъ его отецъ. — Должно быть, рада свободѣ такъ, что уже позабыла обо всемъ!

А я сидѣла недалеко отъ нихъ и не могла на нихъ наглядѣться. Потомъ они собрались въ путь и ушли. Я долго еще глядѣла имъ вслѣдъ и вдругъ громко крикнула, насколько хватило у меня силъ. Коля обернулся, не понявъ, откуда раздался этотъ крикъ, и пошелъ своей дорогой. Скоро они совершенно скрылись изъ глазъ. А я еще долго сидѣла на вѣткѣ и глядѣла имъ вслѣдъ.

Прощайте, мои дорогіе! Прощай, Коля, мой нѣжный другъ! Прощай, мое сокровище!

С. Вершининъ.

ВЪ ЛѢТНІЙ ЗНОЙ.

Замолкъ прекрасный соловей,
Не слышно возгласовъ кукушки,
Не видно птицъ между вѣтвей
И лишь кричатъ однѣ лягушки.

Стоитъ жара. Отъ духоты
Затихли мухи на окошкѣ,
Завяли бѣдные цвѣты
И просятъ влаги хоть немножко.

Отъ солнца яркаго глаза
Смотрѣть устали, и отъ зноя
Спасетъ лишь дождикъ, но гроза
Проходить гдѣ-то стороною.

Лишь по ночамъ пастухъ скоту
Еще играетъ на свирѣли,
Но ты не спишь и, весь въ поту,
Въ горячей мечешься постели.

Кузнечикъ.

ПОХОЖДЕНІЯ МАЛЕНЬКОЙ ИРЕНЬ.

ПОВѢСТЬ.

(Продолженіе).

Докторъ и докторша Гонкуръ пріютили у себя Ренату и Ирону, какъ родныхъ. Они отвели имъ отдѣльную комнату, обставили ихъ всѣмъ необходимымъ и въ первый разъ за все пережитое время, молодая графиня легко вздохнула: она тоже почувствовала себя у Гонкуровъ, какъ дома. Ея Ирена бѣгала по парку виллы, играла съ маленькимъ Толикомъ и ея веселый, звонкій голосокъ сливался съ щебетаніемъ птицъ и веселилъ собой и взрослыхъ. Одно только смущало графиню Ренату—это то, что она не имѣла денегъ, и поэтому не могла внести свою долю въ семью; все ей казалось, что она была лишняя, что ѣла съ дочерью чужой хлѣбъ и стѣсняла Гонкуровъ, и потому очень обрадовалась, когда наступилъ конецъ сентября, и докторша объявила ей, что на будущей недѣлѣ вся семья переѣзжаетъ съ дачи въ Парижъ.

„Это хорошо,“ подумала графиня Рената.—„Въ Парижѣ, говорятъ, легко найти себѣ какое-нибудь занятіе. Я тамъ поступлю куда-нибудь на мѣсто и буду зарабатывать. Все, что заработаю, я буду отдавать мадамъ-Гонкуръ и мнѣ

будетъ легче смотрѣть ей и ея мужу въ глаза.“

О свиданіи со старой графиней Сюзанной Берто она уже не думала и считала это дѣло поконченнымъ.

— Богъ съ ней! говорила она Ирени.—Если она такъ горда, что не захотѣла насъ увидѣть, то не будемъ навязываться насильно! Не будемъ ее разыскивать!

И на слѣдующей же недѣлѣ вся докторская семья переѣхала въ Парижъ и поселилась въ своемъ домѣ въ одной изъ улицъ, примыкающихъ къ Елисейскимъ полямъ.

А въ это время тамъ же, недалеко отъ нихъ, все еще жила графиня Сюзанна и все еще не переставала думать объ Ирени. Она часто доставала ея карточку, втихомолку плакала надъ ней и быстро отирала слезы, когда къ ней вдругъ неожиданно входила Джемми. Съ одной стороны она боялась, какъ бы своимъ горемъ не заразить несчастную мать, какъ она думала о Джемми, а съ другой—что-то тайное отвлекало ее отъ Джемми и иногда даже вселяло въ ней страхъ къ этой смуглой женщинѣ, которая называла себя вдовою ея сына Жерома и матерью покойной Ирени.

Появленіе Джемми въ домѣ графини не ослабило одиночества старушки. Она все еще продолжала быть одинокой, между ея сердцемъ и сердцемъ Джемми почему-то не установилось никакой связи, и старушка обвиняла въ этомъ только одну себя и часто повторяла:

— Навѣрное, она страдаетъ. Она не можетъ забыть потерю Ирены, а я не сумѣла замѣнить ей эту потерю. Что, если-бы она согласилась взять на воспитаніе какого-нибудь чужого ребенка? Какъ-бы это развеселило и ее, и меня!

И мысль о ребенкѣ все чаще и настойчивѣе овладѣвала ея умомъ. Что, если въ самомъ дѣлѣ у нея въ домѣ появится дѣвочка лѣтъ Ирены, которая начнетъ бѣгать по комнатамъ, щебетать, какъ птичка, приставать, смѣяться, хототать? Какъ-бы это наполнило ея жизнь! Тогда графиня вставала-бы каждый день съ мыслью, что она встаетъ недаромъ, что ее ждуть заботы объ этомъ ребенкѣ, вся дальнѣйшая судьба котораго зависитъ только отъ нея. Тогда-бы у нея, графини, была цѣль жизни и— кто знаетъ?— быть можетъ, при взглядѣ на этого ребенка растаяло-бы и сердце Джемми и объ женщины сошлись-бы ближе и не были-бы такъ далеки другъ отъ дружки, какъ теперь?

И старая графиня все чаще и чаще стала наводить справки о пріютахъ для бездомныхъ дѣтей

и все ближе приглядываться къ личикамъ тѣхъ пріютскихъ дѣвочекъ, которыхъ иногда проводили мимо нея гулять.

„Вотъ-бы хорошо взять дѣвочку на воспитаніе!“ думала она и всякій разъ ея сердце замирало отъ какой-то странной, ласковой теплоты, наполнявшей ей душу и вызывавшей на глаза слезы.

Но дни проходили за днями, и она все никакъ не могла поговорить объ этомъ съ Джемми. Къ тому-же и Джемми стала надолго отлучаться изъ-дому. Она говорила, что ѣдетъ по магазинамъ, но иногда вовсе возвращалась безъ покупокъ. А одинъ разъ графиня замѣтила какого-то господина, который бродилъ взадъ и впередъ передъ ея окнами. Когда Джемми вышла на улицу, то этотъ господинъ подошелъ къ ней, и затѣмъ они оба вмѣстѣ куда-то ушли. Это былъ Томъ. И если-бы графиня Сюзанна Берто могла слышать на далекое разстояніе, то она услышала-бы слѣдующій разговоръ:—

— Ты знаешь, Джемми, вѣдь та дѣвчонка Ирена, которую мы оставили въ Брестѣ, куда-то убѣжала отъ старухи Жанъ и уже болѣе не возвращалась.

— Гдѣ-же она теперь? встревожилась Джемми.

— Не знаю... Должно быть, гдѣ-нибудь попала подъ лошадь или подъ автомобиль и теперь уже не

существуетъ на свѣтѣ. А можетъ быть, ее укралъ кто-нибудь другой!

— А гдѣ ея мать Рената?

— О ней я наводилъ въ Брестѣ справки: говорятъ, что ее видѣли оборванной и голодной. Вѣроятно, и она тоже уже умерла, или бросилась въ море. Во всякомъ случаѣ она исчезла безслѣдно и для насъ теперь уже совершенно безопасна.

Графиня Сюзанна не придавала значенія этой встрѣчѣ, а затѣмъ и позабыла о ней, и жизнь въ ея домѣ потекла своимъ чередомъ. Ей стало только казаться, что Джемми нѣсколько больше стала тратить денегъ.

„Пусть тратитъ!“ думала она. — „Это поможетъ ей забыть свое горе!“

А тѣмъ временемъ и въ жизни Ренаты произошла большая перемѣна. Приѣхавъ въ Парижъ, она стала искать себѣ заработка и наконецъ, послѣ долгихъ хлопотъ, нашла себѣ мѣсто продавщицы въ большомъ магазинѣ дамскихъ нарядовъ. Каждое утро, въ семь часовъ, едва только начинался осенній разсвѣтъ, она уже прощалась съ Иреной и уходила изъ дома. Она садилась въ подземную желѣзную дорогу, ѣхала по ней до своего магазина и оставалась въ немъ весь свой трудовой день до самыхъ девяти часовъ вечера. Она возвращалась домой разбитая отъ

усталости, голодная, съ тяжелой головной болью отъ непрерывной толкотни въ магазинѣ и отъ безконечныхъ разговоровъ съ дамами, которыя приходили къ ней покупать. Отъ усталости она валилась тотчасъ-же въ постель, Ирена присаживалась къ ней, и онѣ еще долго вели между собою разговоръ и не могли наглядѣться другъ на дружку. Докторъ и докторша Гонкуръ упрекали ее въ томъ, что она такъ не жалѣетъ себя, но ей было пріятно, что она могла теперь заплатить имъ за свое содержаніе, хотя они и не желали отъ нея брать ея заработка. Но видя, съ какой настойчивостью она старалась вручить имъ деньги, они должны были наконецъ согласиться, и всякій разъ, какъ графиня Рената уплачивала имъ за комнату и столъ, они относили эти деньги въ банкъ и клали ихъ на имя Ирены.

— Это ей пригодится! говорили они.—Когда Ирена будетъ невѣстой, то у нея уже будетъ готовое приданое.

Всякій разъ, какъ Рената уѣзжала къ себѣ въ магазинъ, ея дочь Ирена играла съ Толикомъ и нетерпѣливо ожидала ея возвращенія домой. Иногда въ хорошую погоду дѣтей водили гулять въ ближайшій скверъ. Няня брала Толика на руки или везла въ коляскѣ, а сбоку скромно шла Ирена. Придя въ скверъ, няня садилась на лавочкѣ и читала, То-

На рыбѣхъ хвалитъ!

Серны у горного водопада.

ликъ рылся въ песокъ, а Ирена бѣгала по дорожкѣ и катала обручъ. Въ одно изъ такихъ гуляній, когда няня особенно увлеклась чтеніемъ, а Ирена заигралась своимъ обручемъ и загнала его слишкомъ далеко, мимо дѣвочки прошелъ какой-то господинъ, который остановился, долго оглядывалъ ее и затѣмъ неожиданно сказалъ:

— Здравствуй, Ирена!

Она вздрогнула, подняла на него свои глаза и поблѣднѣла. Это былъ Томъ.

— Здравствуйте, мосѣ, отвѣтила она и сдѣлала ему реверансъ.

А затѣмъ, испугавшись еще болѣе, она бросилась со всѣхъ ногъ къ Толику и, не сказавъ ничего нянѣ, стала играть съ нимъ въ песокъ. Сердце у нея билось. Она боялась поднять голову и поглядѣть въ ту сторону, гдѣ стоялъ Томъ, и когда наконецъ осмѣлилась и взглянула, то его тамъ уже не было.

„Это мнѣ такъ показалось!“ подумала она.— „Я забѣжала далеко отъ няни, и мнѣ такъ почудилось...“

И еще долго она находилась подъ впечатлѣніемъ этой встрѣчи и, когда вечеромъ возвратилась изъ магазина ея мать, то Ирена уже такъ вѣрила въ то, что встрѣча съ Томомъ дѣйствительно ей почудилась, что ничего ей объ этомъ не сказала.

— Не нужно беспокоить маму, рѣшила она.

Въ тотъ-же вечеръ у Тома съ Джемми былъ совѣтъ, какъ вновь отдѣлаться отъ Ирены и убрать ее съ своего пути. Если она сейчасъ въ Парижѣ и такъ хорошо одѣта, разсуждали они, то это значитъ, что она нашла свою мать и переѣхала съ нею въ Парижъ. Но съ другой стороны, какъ объяснить то, что послѣ встрѣчи съ Томомъ она убѣжала къ нянѣ и къ Толику, который рылся въ песокъ? Не означаетъ-ли это, что кто-нибудь встрѣтился съ нею въ Брестѣ, когда она продавала цвѣты, и, сжалившись надъ нею, пріютилъ ее у себя и привезъ ее затѣмъ къ себѣ въ Парижъ? Томъ и Джемми долго ломали себѣ головы надъ рѣшеніемъ этого вопроса и наконецъ пришли къ заключенію, что послѣднее дѣйствительно было такъ: Ирену кто-то пріютилъ и привезъ въ Парижъ, а Рената осталась въ Брестѣ одна. Но кто могъ сжалиться надъ Иреной и пріютить ее у себя? Насколько тайна Ирены извѣстна этому великодушному лицу? Не опасно-ли это для Джемми и Тома? И они еще долго обсуждали свое положеніе и все никакъ не могли придти къ окончательному заключенію.

— Надо ее украсть вторично! рѣшилъ наконецъ Томъ.— Я имѣлъ глупость сегодня поздороваться съ ней, и она теперь всѣмъ расскажетъ, что мы съ тобой здѣсь! Это для насъ опасно!

Джемми молчала. Она кусала себя губы до боли. Затѣмъ они разстались.

На слѣдующій день было солнечно и тепло. Хотя стоялъ уже ноябрь, но совсѣмъ не вѣрилось, что скоро будетъ зима. Всѣ скверы были наполнены дѣтьми, били фонтаны, и бѣгали у самыхъ ногъ голуби. Ирена опять была съ няней и Толикомъ въ сосѣднемъ скверѣ и рѣзвилась со своимъ обручикомъ. Няня, по обычаю, читала, маленькій Толикъ спалъ у себя въ коляскѣ, а Ирена катала обручикъ и перекликалась съ другими дѣвочками, которыя прыгали черезъ веревочку или играли въ мячикъ. И вдругъ ее снова кто-то окликнулъ. Она обернулась. Передъ ней опять стоялъ Томъ.

— Здравствуй, Ирена! сказалъ онъ, и Иренѣ показалось, что онъ былъ взволнованъ.—Твоей мамѣ очень худо! Она прислала меня за тобой!

Ирена вздрогнула.

— За мной? удивилась она.—Развѣ вы служите въ томъ-же магазинѣ, гдѣ и она?

Томъ обрадовался, что кое-что узналъ отъ нея.

— Да, да, продолжалъ онъ, въ томъ-же самомъ магазинѣ. Но съ ней худо. Она упала съ лѣстницы и расшиблась на смерть... Она хочетъ проститься съ тобой и послала меня за тобой! Идемъ скорѣе!

У Ирены похолодѣло подъ сердцемъ. Слезы брызнули у нея изъ глазъ. Позабывъ свою боязнь къ этому человѣку, забывъ даже сказаться нянѣ, она подала Тому руку и смѣло пошла съ нимъ туда, куда онъ ее повелъ. Неужели она оставитъ свою маму одну?

— Бѣдная мамочка! всхлипывала она дорогой.—Дорогая мама!

Томъ вывелъ ее изъ сквера, спустился съ ней глубоко подъ землю, гдѣ ходили каждую минуту поѣзда, усадилъ ее въ вагонъ и долго везъ куда-то въ темнотѣ и въ духотѣ, такъ что Иренѣ стало даже казаться, что она не выберется на свѣтъ больше никогда, и вывелъ ее наконецъ на воздухъ. Когда они всходили по лѣстницѣ наверхъ, то Ирена еще долго слышала, какъ внизу подъ нею раздавались свистки и громыханье поѣздовъ, уходившихъ въ разныя стороны подъ землю, и ей было дико и странно, что людямъ мало было мѣста на поверхности земли, гдѣ было столько солнечнаго свѣта и такъ радостно голубѣли небеса, и они рѣшили уйти подъ землю и протянуть подъ Парижемъ туннели на цѣлыя десятки верстъ.

— Скоро? спросила она.

— Сейчасъ, сейчасъ, дитя мое! отвѣтилъ Томъ.—Потерпи немного, и мы скоро придемъ къ твоей мамѣ.

Они вышли на какую-то площадь. Вдалекѣ, сбоку, точно сотканная

изъ кружева, синѣла Эйфелева башня, касавшаяся какъ, показались Иренѣ, своей вершиной облаковъ. Они перешли черезъ Сену, вступили въ какой-то переулокъ и остановились у крыльца большого дома, на которомъ висѣла о чемъ-то вывѣска.

— Здѣсь!.. сказалъ Томъ.—Но если ты пикнешь хоть слово, то я тебя задушю!

Словно завѣса вдругъ спала у Ирены съ глазъ. Она взглянула на его искаженное злобой лицо и вся похолодѣла отъ ужаса. Она поняла, что снова поймалась въ ловушку.

— Мама! вскрикнула она.—Я не хочу сюда, не хочу!..

Но онъ точно въ тискахъ сжалъ ея руку и почти силой ввелъ въ домъ. Она испугалась и замолчала. Все закружилось у нея въ глазахъ. Слышны были голоса другихъ дѣтей, затѣмъ появилась какая-то дама, которая приняла отъ Тома Ирену.

— Это та самая дѣвочка, обратился къ ней Томъ,—о которой я вамъ говорилъ сегодня утромъ, и которую просилъ принять въ вашъ пріютъ. Она нѣсколько плохого характера, но я надѣюсь, что вы исправите ее. Ее зовутъ—Ира. Она изъ Бреста. Моя племянница!.. Она продавала у своей бабушки цвѣты, но, представьте, вообразила себя графской дочерью и бѣжала изъ дома... Такія стали теперь испорченныя дѣти!..

Точно во снѣ слышала Ирена эти слова. Голова у нея кружилась, ноги отказывались ей служить, въ вискахъ у нея стучало, и она ожидала, что каждую минуту упадетъ въ обморокъ и лишится чувствъ. Когда-же всѣ переговоры были покончены, и Томъ ушелъ, и она поняла, что навѣки осталась въ этомъ пріютѣ для бездомныхъ дѣтей, то сознание, дѣйствительно, оставило ее, и она повалилась на полъ. Принявшая ее отъ Тома дама позвонила, вошла женщина въ бѣломъ чепцѣ, взяла ее на руки и унесла въ лазаретъ.

— Съ дѣвочкой дурно, сказала дама.—Ее нужно уложить въ постель!

Ирена долго не приходила въ себя. А когда наконецъ къ ней вернулось сознание, то она увидела себя въ большой свѣтлой комнатѣ, въ которой на кроваткахъ лежали и другія больныя дѣвочки, она хотѣла крикнуть, позвать къ себѣ маму, но голосъ измѣнилъ ей и она снова впала въ забытие и лишилась чувствъ. И для нея потянулись длинные томительные дни нервной лихорадки, во время которой она бредила, звала къ себѣ маму, умоляла всѣхъ отвести ее къ графинѣ Ренатѣ, но ухаживавшая за ней сидѣлка только печально качала головой.

— Бѣдняжка... вздыхала она.—

Бываютъ-же такіе случаи! Дочь бѣдныхъ родителей, уличная продавщица цвѣтовъ—и вдругъ вообразила себя графиней! Должно быть, ей дѣйствительно очень скверно жилось у своей бабушки въ Брестѣ!

— А я думаю, сестра, что здѣсь что-то не такъ! обратилась къ ней другая сидѣлка.—Откуда-бы взяться у бѣдной дѣвочки—цвѣточницы золотому медальону на шеѣ? А ты разстегни на этой Ирѣ рубашку и посмотри! Вѣдь медальонъ-то золотой!

Онѣ обѣ нагнулись надъ разметавшейся въ жару Иреной и оглядѣли медальонъ, который когда-то дала ей ея мать графиня-Рената, когда въ первый разъ разлучалась съ ней въ Брестѣ.

— Да, золотой... проговорили онѣ обѣ разомъ.—И портретъ какого-то благороднаго мужчины... Здѣсь что-то не такъ... Надо-бы донести начальницѣ пріюта!

И обѣ онѣ еще долго шушукать

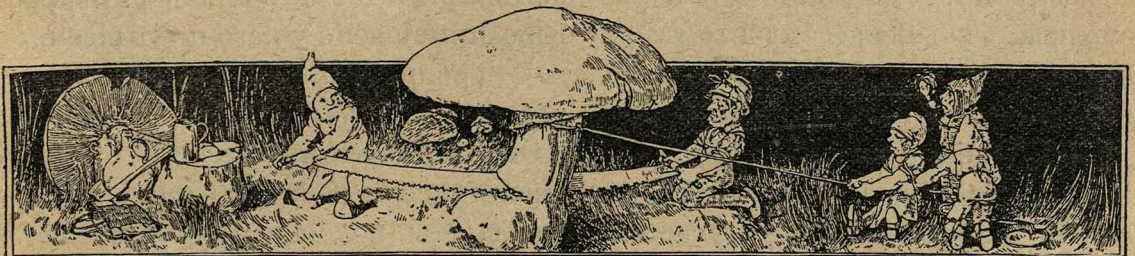
и перекорялись, кому изъ нихъ первой идти къ начальницѣ, да такъ ни одна изъ нихъ и не рѣшилась.

— Пусть будетъ, что будетъ!.. сказали онѣ и разошлись по сторонамъ.— Не наше дѣло вмѣшиваться въ судьбу дѣтей!

А между тѣмъ, узнавъ о вторичномъ похищеніи Ирены, докторъ Гонкуръ встревожился и поднялъ на ноги всю Парижскую полицію. Графиня Рената утверждала, что обвиняетъ въ похищеніи ея дочери Тома и Джемми, но ихъ нигдѣ нельзя было найти, такъ какъ Томъ отлично скрывался, а Джемми всѣ принимали за настоящую графиню Берто. Сама Ирена лежала безъ памяти больная и тайна ея похищенія такъ и продолжала оставаться тайной. Графиня Рената изнемогала отъ горя и на этотъ разъ уже не вѣрила въ то, что когда-нибудь снова увидится съ Иреной.

К. Тр.—

(Окончаніе слѣдуетъ).

ИСТОРИИ О СОБАКАХЪ.

Честный Троль.

Въ дни моего дѣтства, я и моя сестра Маня ѣздили иногда въ гости къ нашей тетускѣ Софьѣ Ивановнѣ, въ усадьбу нѣкоего Петра Сергѣевича, фамиліи котораго я теперь не помню. Софья Ивановна служила у него экономкой, мы жили въ отдѣльномъ флигелькѣ и лучшаго для себя ничего не желали. Наша тетуска всегда была занята и намъ, дѣтямъ, предоставлена была полнѣйшая свобода: мы могли надолго уходить изъ дома, бродили по полямъ и лѣсамъ и возвращались домой только тогда, когда намъ хотѣлось ѣсть.

Однажды мы зашли глубоко въ лѣсъ и тамъ на полянкѣ увидали пасѣку. Вся она была освѣщена солнцемъ, вокругъ ульевъ жужжали пчелы, въ промежуткахъ росли медовые травы и цвѣты, и стоялъ густой, сладкій аромать. Мы подошли поближе. Какъ вдругъ, съ громкимъ лаемъ, на насъ бросилась большая, черная, лохматая собака, но, добѣжавъ до насъ, смолкла, завилыла хвостомъ и пошла обратно. Мы все-таки ее испугались и повернули назадъ.

— Не бойтесь! Не бойтесь! вдругъ услышали мы за собой чей-то голосъ.—Она не кусается!

Изъ шалаша вышелъ старичекъ

и поманилъ насъ къ себѣ. Мы вернулись. Онъ ласково спросилъ насъ, чьи мы, какъ насъ зовутъ, и угостилъ насъ медомъ. Затѣмъ мы отправились домой. И всякій разъ потомъ, какъ намъ хотѣлось полакомиться, мы отправлялись въ лѣсъ, подходили къ пасѣкѣ и кричали издали:

— Здравствуй, дѣдушка Максимъ!

Къ намъ выбѣгала съ лаемъ собака Троль, за нею выходилъ изъ своего шалаша старикъ и минуты двѣ спустя, мы уже уплетали свѣжій, душистый, сотовый медъ. Было ясно, что дѣдъ любилъ насъ, потому что всякій разъ улыбался, когда мы приходили и гладилъ насъ своею костлявою рукой по головамъ.

Однажды цѣлую недѣлю шелъ дождь, и мы все это утро не могли выйти изъ дома. И вдругъ мы услышали, что на дворѣ поднялся громкій лай нашихъ собакъ. Мы бросились къ окну. Прямо къ нашему флигелю, преслѣдуемый нашей псарней, бѣжалъ Троль и что-то было привѣшено у него подъ шеей.

— Троль! Троль! закричали мы ему.

Онъ вбѣжалъ къ намъ въ сѣни, отряхнулся и завилылъ намъ хвостомъ. Мы подошли къ нему, и онъ сталъ лизать намъ руки.

Сестра Маня сняла съ его шеи узелокъ, развязала его, и тамъ оказался медъ. Мы поняли тогда, что это прислалъ намъ дѣдушка-Максимъ.

— Тетя, тетя! закричали мы Софьѣ Ивановнѣ.—Посмотри, что намъ принесъ съ пасѣки Троль!

Тетю это нисколько не удивило. Казалось, она знала объ этомъ уже давно.

— Вставайте-ка, дѣтки, раньше, сказала она,—и вы увидите, какъ эта собака прибѣгаетъ къ намъ каждый день. Ее присылаетъ сюда Максимъ за ѣдой.

Мы стали подниматься раньше и, дѣйствительно, каждое утро видѣли, какъ съ корзиночкой на шеѣ къ нашей кухнѣ прибѣгалъ Троль, и какъ скотница Меланья выносила хлѣбъ и творогъ и клала ему въ эту корзиночку. Поѣвъ самъ и полакавъ, Троль тотчасъ же убѣгалъ къ себѣ на пасѣку къ дѣдушкѣ Максиму.

Въ верстѣ отъ насъ находилась лавка, въ которой продавался всевозможный деревенскій товаръ: сахаръ, чай, табакъ, деготь, баранки и т. п... Однажды у насъ не хватило макаронъ, и тетя послала меня и сестру—Маню въ эту лавку купить этихъ самыхъ макаронъ. Торговала почтенная дама—Анна Егоровна, вдова нашего приходскаго діакона. Она всегда была чисто одѣта, носила чепецъ и въ лавкѣ у нея всегда были порядокъ

и чистота. Всякій разъ, какъ мы прибѣгали къ ней, то за тѣмъ, то за другимъ, она давала намъ по конфеткѣ, и мы любили у нея бывать. Въ этотъ разъ мы встрѣтили у Анны Егоровны Троля. Онъ вбѣжалъ въ лавку, всталъ передними ногами на прилавокъ и раскрылъ пасть. Изъ нея вывалился мѣдный пяточекъ. Анна Егоровна взяла его, вытерла бумажкой и положила къ себѣ въ кассу. Затѣмъ она отсыпала щепотку чаю, взяла кусочка два сахара, завернула все это въ бумагу и прицѣпила Тролю на ошейникъ. Онъ повилялъ хвостомъ и сталъ ѣсть баранку, которую она ему кинула въ уголокъ.

— Это мой постоянный покупатель, усмѣхнулась Анна Егоровна.—Онъ прибѣгаетъ ко мнѣ каждые два дня.

И тутъ-же съ нами случилось приключеніе. Мы такъ были уди-

Въ Гырѣ.

Въ тишь.

влены умомъ Троля, что широко разинули рты и разставили руки. Маня выронила кошелекъ съ мѣдными монетами и не замѣтила этого. Когда пришлось платить за макароны, то она хватилась денегъ, мы подумали, что потеряли ихъ на дорогѣ, и, оставивъ макароны бросились изъ лавки ихъ искать. Нагнувшись, мы приглядывались къ каждому нашему шагу, къ каждому бугорку. И вдругъ насъ догналъ Троль и положилъ къ нашимъ ногамъ потерянный кошелекъ. Маня обняла его за шею и стала его ласкать. Онъ повилалъ намъ хвостомъ, поскулилъ, лизнулъ насъ въ руки и въ лицо и помчался своей дорогой на пасѣку.

Тетя Софья Ивановна рассказывала намъ, что Троль вытащилъ однажды изъ пруда тонувшаго мальчика и, схвативъ на всемъ скаку взбѣсившуюся лошадь за поводъ, остановилъ ее и привелъ домой. Но чему мы были свидѣтелями сами, такъ это необыкновенной вѣрности Троля.

Было сѣренькое утро, накрапывалъ дождь. Я и Маня надѣли накидки и вышли гулять. Мы никогда не боялись вѣтра или дождя и почти никогда не хворали. Какъ вдругъ, чего раньше никогда не случалось, къ намъ вышла и наша тетя Софья Ивановна, тоже одѣтая для ходьбы подъ дождемъ.

— Пойдемте къ Максиму, дѣти, обратилась она къ намъ. Говорятъ,

онъ тяжело заболѣлъ. Должно быть, приходитъ ему конецъ.

Мы отправились на пасѣку. Максимъ лежалъ въ своемъ шалапѣ на постели изъ соломы, дрожалъ такъ, что стучали у него зубы, и былъ покрытъ мѣховымъ тулупомъ. Около него сидѣлъ его вѣрный Троль и лизалъ ему щеки. Завидѣвъ насъ, онъ всталъ на всѣ четыре ноги, заскулилъ и сталъ смотрѣть на насъ такъ, точно хотѣлъ намъ сказать:—

— Да помогите-же ему! Вѣдь онъ тяжело боленъ и одинокъ!

Мы подошли къ больному.

— Здравствуй, дядюшка - Максимъ, обратилась къ нему тетя. — Какъ поживаешь?

— Плохо, матушка Софья Ивановна, плохо! едва слышнымъ голосомъ отвѣтилъ Максимъ.

— Вѣдь, я къ тебѣ по дѣлу... продолжала тетя. — Петръ Сергѣевичъ прислалъ меня сказать тебѣ, что онъ хочетъ помѣстить тебя въ больницу... Тамъ за тобой будетъ уходъ и тебѣ будетъ хорошо, а здѣсь ты одинъ, тебѣ некому дать попить...

— Спасибо батюшкѣ - барину, отвѣтилъ старикъ и перекрестился костлявой рукой. — Онъ и такъ обо мнѣ все время заботился... Приказалъ мнѣ каждый день присылать къ нему Троля въ усадьбу за фдой и по пятаку въ день давалъ... Спасибо ему... Пошли ему, Господи, царство небесное!..

— Да ты-то, самъ, дядюшка, плохъ! Ложись-ка въ больницу! Вѣдь, сюда къ тебѣ въ твою берлогу, непоѣдетъ ни одинъ врачъ! Ты здѣсь умрешь, — никто и не замѣтитъ!

— Знаю, знаю, матушка... Только въ больницу-то никакъ не могу лечь! Воля ваша, а не могу.

Старикъ приподнялся и заплакалъ.

— Почему? спросила тетья.

— Да потому, матушка Софья Ивановна, что безъ меня тутъ Троль съ ума сойдетъ! Вѣдь, я его отъ своего покойнаго барина получилъ еще щенкомъ. Все время вмѣстѣ жили, вмѣстѣ и помремъ!

И несмотря наубѣжденія тети, старикъ окончательно отказался лечь въ больницу. Такъ мы и возвратились съ пасѣки ни съ чѣмъ. Мы навѣщали его затѣмъ каждый день и всякій разъ видѣли, какъ Троль неотлучно находился при старикѣ и лизалъ ему руки и лицо. Завидѣвъ насъ, онъ начиналъ жалобно скулить и взглядомъ просить у насъ помощи. Раза два прѣвзжалъ фельдшеръ изъ земской больницы, но Максиму становилось все хуже и хуже и недѣли черезъ двѣ онъ скончался.

Насъ не взяли на его похороны, но тетья рассказывала намъ, что Троль такъ вылъ, разставаясь съ тѣломъ своего хозяина, что жалко было на него смотрѣть. Затѣмъ Троль куда-то исчезъ.

На пасѣкѣ поселился другой дѣдъ,

котораго мы не знали, а затѣмъ начались холода и дожди — и мы ни разу больше не побывали на знакомой полянѣ въ лѣсу. Съ печальнымъ шумомъ стали обнажаться деревья, задулъ вѣтеръ, и грустная осень затащила небо тѣмными облаками и угнала перелетныхъ птицъ далеко за теплыя моря. Стали собираться въ городъ и мы. Мнѣ и сестрѣ пора было учиться. Тетушка Софья Ивановна напекла намъ пирожковъ и собрала насъ въ путь. Мы простились съ Петромъ Сергѣевичемъ, поблагодарили его за гостепрѣимство и, полные томительнаго нетерпѣнія, стали поджидать, когда подадутъ намъ тарантасъ.

— Вы-бы дѣти, сходили на могилку Максима, простились-бы съ нимъ! сказала вдругъ тетья. — Вѣдь, онъ васъ любилъ и угощалъ медомъ!

Мы взяли за руку и пошли на сельское кладбище. Каково-же было наше удивленіе, когда на не обросшей еще травой могилѣ стараго пасѣчника мы увидали Троля! Онъ лежалъ на ней во всю ея длину и, уткнувъ морду между переднихъ лапъ, казалось, о чемъ-то думалъ или спалъ.

— Троль, обрадовались мы. — Здравствуй, Троль!

Онъ узналъ насъ, соскочилъ съ могилы, завилялъ намъ хвостомъ и съ жалобнымъ визгомъ сталъ лизать намъ руки. Какъ въ свою очередь обрадовался онъ намъ! Я

обнялъ его за шею и прижалъ его къ себѣ, а сестра стала гладить его вдоль спины. Но какъ онъ, бѣдняга, похудѣлъ! Какое печальное было выраженіе его глазъ!

Мы поклонились могилкѣ, постояли немного и отправились обратно домой. Троль тотчасъ опять легъ вдоль могилки и опять уткнулъ морду между переднихъ лапъ. Заходило осеннее солнце и краснымъ, холоднымъ заревомъ окрашивало пожелтѣвшія березы, бѣлые кресты и опустѣвшія поля. Мнѣ сдѣлалось вдругъ такъ грустно, что захотѣлось плакать.

— Троль, пойдемъ съ нами! крикнулъ я собакѣ.

Она подняла голову и посмотрѣла намъ вслѣдъ.

— Пойдемъ съ нами!

Она неохотно сошла съ могилки и подбѣжала къ намъ. Я взялъ ее за одно лохматое ухо, а сестра Маня за другое — и мы вышли изъ кладбища. Всю дорогу Троль послушно шелъ между нами, а когда мы вошли въ усадьбу и сѣли, наконецъ, въ тарантасъ, то къ намъ прыгнулъ туда же и Троль.

— Сгоните его! крикнула намъ тетя. — Онъ испачкаетъ васъ! Вишь, какой онъ грязный!

Но Троль посмотрѣлъ на насъ такимъ взглядомъ, точно хотѣлъ сказать:

— Не бросайте меня одного! Вѣдь, кромѣ моего умершаго хозяина, больше всего на свѣтѣ я любилъ только васъ однихъ!

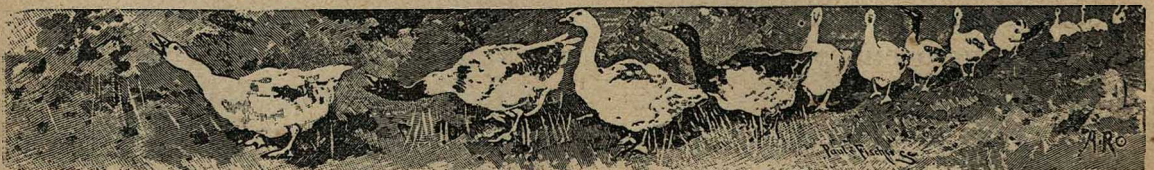
Мы не послушались тети, прижали Троля къ себѣ, и весело закричали:

— Теперь онъ нашъ! Мы не отдадимъ его никому!

Кучеръ дернулъ за вожжи, и лошади побѣжали. Всю дорогу Троль сидѣлъ съ нами въ тарантасѣ, мы чувствовали, что онъ былъ нашъ и, чтобы ни случилось съ нами впереди, мы были теперь твердо увѣрены, что не разстанемся съ нимъ больше никогда.

Такъ оно и случилось. Троль прожилъ съ нами до самой своей глубокой старости. Онъ былъ нашей нянькой въ полномъ смыслѣ этого слова: онъ провожалъ насъ въ гимназію, несъ въ зубахъ наши книжки, онъ выходилъ насъ встрѣчать, когда мы шли послѣ ученія домой, онъ исполнялъ всѣ наши желанія и капризы, игралъ съ нами — и лучшаго и болѣе вѣрнаго товарища, чѣмъ онъ, — мы не имѣли больше никогда.

Дядя Джемсъ.

Дружба.

ВЪ ІЮЛѢ.

<p>Чуть свѣтъ — и встали ужъ дѣ- тишки, Шумятъ, бѣгутъ скорѣй къ пруду И ужъ снимаютъ на ходу Съ себя рубашки и штанишки. И прибѣжавъ затѣмъ на прудъ, Толпою въ воду всѣ бѣгутъ. Смѣются, плаваютъ, ныряютъ, Другъ въ друга тиною швы- ряютъ И, накупавшись вдоволь, всласть, Идутъ горохъ поспѣвшій красть. О, эти милые воришки! Вѣдь, всѣмъ надѣлаютъ хлопотъ! Сѣсть что-нибудь — и у маль- чишки Глядь—и болить уже животъ. И потому имъ запрещаютъ Ходить на гряды и стращаютъ, Что ѣсть горошекъ прямо съ грядъ— Все то-же, что и выпить ядъ.</p>	<p>Веселый, радостный народъ! Какъ мало знаетъ онъ заботъ! Сейчасъ купались—и ужъ пятки У нихъ опять въ сплошной грязи. О, шаловливые ребята, Вамъ хоть грози, хоть не грози! А какъ васъ жалятъ комары! Ужъ вы и въ лѣсъ гурьбой сходили И, утомившись отъ жары, Въ поганой лужѣ воду пили, Совсѣмъ о томъ и позабывъ, Что отъ воды бываетъ тифъ! Но вотъ ужъ полдень. Капли пота По лицамъ мальчиковъ текутъ. Они устали, ѣсть охота— И всѣ домой скорѣй бѣгутъ. И тамъ ихъ ждутъ грибы въ ко- стрюлѣ И свѣжій яблочный компотъ... О, сколько радостей въ іюлѣ Имъ лѣто милое даетъ!</p>
--	--

Ирисъ.

ГОЛОВОЛОМКИ.

<p>I.
Какое сходство между подушкой
и сливками?</p> <p>II.
Зачѣмъ учатся музыкѣ?
(предлож. О. Папчинская).</p> <p>III.
Названія какихъ предметовъ</p> | <p>одежды находятся въ слѣдующихъ
фразахъ.</p> <p>1) Дѣвочка отъ сильнаго кашля
падала въ обморокъ.</p> <p>2) Молоденькому осетру башка
бѣлуги казалась огромной.</p> <p>3) Къ декабрю кислой капусты
уже не хватило.</p> |
|---|---|

4) Отъ испортившагося овса погбло много куръ.

5) Вѣтромъ нашу баржу прибило къ берегу.

6) Во время пожара не вынесли изъ дома ни шкафовъ, ни кроватей.

7) Мы долго смотрѣли на горизонтъ.

IV.

Почему извозчики стегаютъ бѣдныхъ лошадей, когда онѣ плохо бѣгутъ, и почему именно онѣ бѣгутъ тогда немного быстрее?

V.

Мальчикъ и дѣвочка вышли изъ лѣса и стали дѣлить между собой собранные ими грибы.—„Дай мнѣ одинъ твой грибъ, сказалъ маль-

чикъ,—и тогда у меня будетъ вдвое больше грибовъ, чѣмъ у тебя.“ А дѣвочка ему отвѣтила:—„Нѣтъ, лучше ты дай мнѣ одинъ свой грибъ, и тогда у насъ будетъ поровну.“

Мальчикъ далъ ей свой грибъ, и они принесли домой по одинаковому количеству грибовъ.

Сколько было у каждого по выходѣ изъ лѣса?

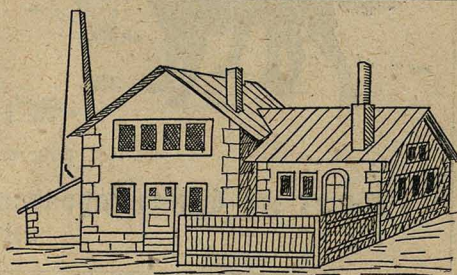
Рѣшеніе головоломки и ребуса, помѣщенныхъ въ № 16 „Золотого Дѣтства“.

Головоломки: I) По воздуху. II) До самой своей смерти. III) Корыто, ворота, резина = корона. IV) Лайки убѣгаютъ отъ бала на задній дворъ, когда ихъ прогоняютъ.

Ребусъ № 16. Око + л + оса + дача + сто на сто + гуси + д + ели + орлы = Около сада часто на стогу сидѣли орлы.

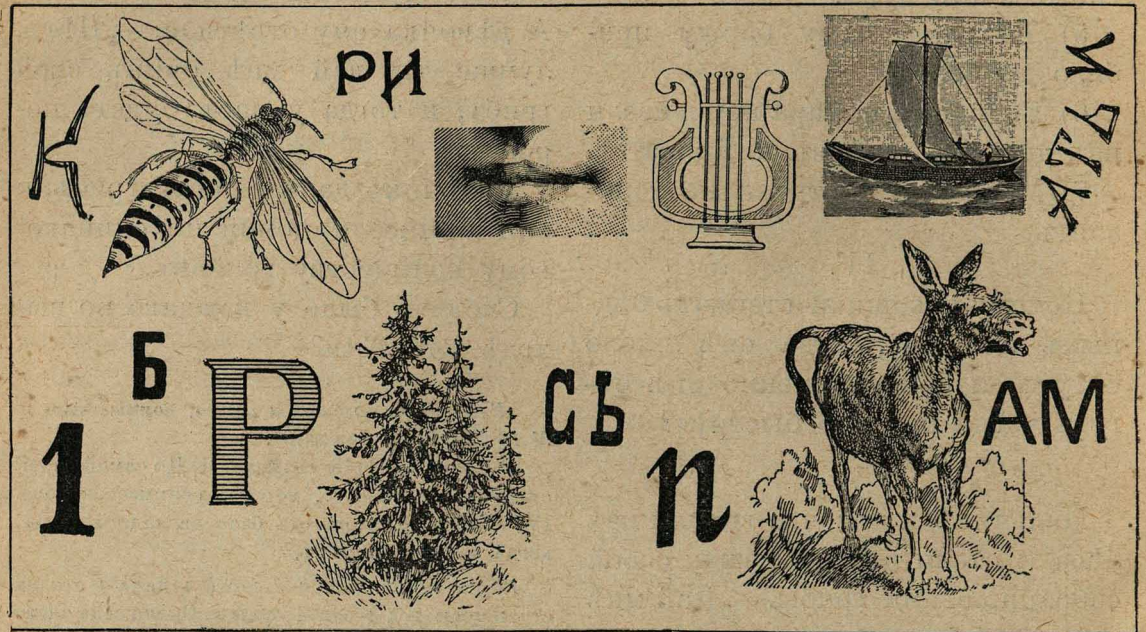
Вѣрныя рѣшенія прислали: Палладій, Петръ, Клавдія и Коля изъ Саринки, Антонина Балашева, Валюся Черняковская, Коля и Витя Аше, Коля и Вова Руденко, Ваня Варсоба, В. и Е. Сиротины, Катя Самсонова, Витя и Оля Клячко, Вася Бондаревскій, Надя Лютецкая, Маруся, Леля и Вѣрочка Циглеръ, Лиденька Закуленко, Коля Дураковъ, Нина Циль и Наля Шеферъ, Нина, Коля и папа Хенкины, Вѣрочка и Валя Исиковы, Ксенія, Нина, Ваня, Лена и маленькая Акуля, Ростиславъ Демченко, Маруся и Соня Кузовкины, Геня, Петя и Мама Кузнецовы, Коля Пустоваловъ, Игорекъ и Микунчикъ Чадаевы, Коля и Боря Пантуевы, Любочка Ковалева, Надежда Маслова, Кетти Льваля, Гриша и Зента Шмидтъ, Вова Федоровъ изъ Минска, Тая, Вася и Костя Федоровы изъ Владиміра, Николай Кутасовъ, Ваня Скворцовъ, Борисъ Красовскій, Лена и Зина Коноплевы, Вува и Толя Фаасъ, Захарко-читатель „Золотого Дѣтства“, Шура Моносовскій, Коля и Жена изъ Теріокъ, Шурочка, Ниночка, Лиденька и Серафима Протопоповы, Варя Наумова, Коля и Тая Желиховскіе, Леонардъ и Эдгаръ фонъ-Рихтеръ, Митя и Тая Киселевы, Гога Огаревъ, Надя и Нина Люстернякъ, Валя Стычъ, «Жел-

тый Чертикъ», Катя Габровская, Шура и Володя изъ Щигровъ, Вѣра и Борисъ Антоновы, Людмила Макушкина, Вади и Шуна Кардасѣвичи, Лена, Зина и Нюра Коноплевы, Марія Аверьянова, Маня, Клава, Паша и Леля-кошечка Оминны, Станиславъ Маркевичъ, Бабочка Жинкина, Катя Самсонова, Жоржикъ Козицкій, Игорь Кириченко, Шура Дѣва, Квито-Ястребиное крыло и Монтезума-Соколиный глазъ, вождь неукротимыхъ, Коля Страдомскій, Витя Оболенскій, Костя Кузьменко-Кузьмицкій Серафимъ Важинскій, Кася Важинская, Костя Амитровъ, Вора и Ляля Петропольскіе.

Фабрика — для склеиванія. Модель приложенія къ этому номеру.

Ребусъ № 18.

(Фамиліи подписчиковъ, вѣрно рѣшившихъ ребусъ или головоломки, будутъ напечатаны).

Очень рекомендуется!
 Книга для дѣтей
„Дружокъ и Томка“.
 Повѣсть съ иллюстраціями.
 Цѣна 40 коп.
 Съ пересылкой 55 коп.

Выписывать изъ Редакціи журнала
„Золотое Дѣтство“.
 С.-Петербургъ. Каменноостровскій, 26.

Книга эта будетъ прочтена дѣтьми съ захватывающимъ
интересомъ.

THE UNIVERSITY OF CHICAGO
LIBRARY

PHYSICS

1911

PHYSICS

PHYSICS

PHYSICS

PHYSICS

PHYSICS

PHYSICS

PHYSICS

PHYSICS

PHYSICS

PHYSICS

Годъ изданія шестой.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на

художественно-литературный журналъ
для дѣтей (7—12 лѣтъ)

„ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“

Подписной годъ съ 1-го Ноября.

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ (24 номера въ годъ) подъ редакціей М. П. Чехова.

При каждомъ номерѣ приложенія: картонажи для склеиванія, игры, домики, занятія и т. п.

Редакція обращаетъ вниманіе главнымъ образомъ на художественность и тщательно подобранное содержаніе «Золотого Дѣтства».

ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАЮТЪ:

24 НОМЕРА журнала «Золотое Дѣтство», въ красивыхъ обложкахъ, отпечатанные на лучшей бумагѣ, со множествомъ художественно-исполненныхъ рисунковъ.

24 ПРИЛОЖЕНІЯ ДЛЯ СКЛЕИВАНІЯ (игры, домики, научныя развлеченія и проч. и проч.).

12 ВЫРЪЗНЫХЪ ВЫКРОЕКЪ ДЛЯ ДѢТСКИХЪ КОСТЮМОВЪ. Каждая мать сможетъ одѣть по нимъ своего ребенка дома, безъ помощи портнихи.

Книгу „АНГЛІЙСКІЯ СКАЗКИ“.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой:
на годъ 3 р. 80 к.

Подписка принимается для иногороднихъ подписчиковъ въ Редакціи журнала «Золотое Дѣтство», С.-Петербургъ, Каменноостровский проспектъ, 26 и для городскихъ подписчиковъ въ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ Петербурга.

3 р. 80 к.

За перемѣну адреса—28 коп. почтовыми марками.

Редакторъ-Издатель М. П. ЧЕХОВЪ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Лучшій подарокъ для дѣтей:

«ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО» за истекшій годъ со всѣми приложеніями въ красивомъ коленкоровомъ переплетѣ по 3 р. 65 к. за экз.; безъ переплета — по три рубля за экз. За пересылку по разстоянію. (Въ Европейской Россіи и на Кавказъ—по 45 коп. за экземпляръ).

Высылается наложеннымъ платежомъ. Жонно выписывать отырытымъ письмомъ изъ редакціи „ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“.

С.-Петербургъ, Каменноостровский просп., 26.

Продается во всѣхъ лучшихъ книжныхъ мага-

